

М. Е. АСПИЗ

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ...

Я думаю, и со мной согласятся многие, что книга В. Я. Александрова «Трудные годы советской биологии» (СПб., «Наука», 1992) является одной из лучших, отразивших то трагическое время. Писал он ее не по памяти, которая иногда подводит вспоминающего; он сам говорил в предисловии к этой книге: *«В критические периоды своей жизни я старался по горячим следам подробно записывать происходящие события, включая диалоги... широко использовал публикации тех далеких времен и материалы, хранящиеся в Ленинградском государственном архиве научной и технической информации».*

Эта книга прекрасно освещает события, участником и свидетелем которых был автор. В ней представлен анализ не только причин этих событий, но и психологии людей в экстремальных условиях, прочности моральных устоев человека. И показано губительное для науки безответственное вмешательство в нее руководства страны. В 1990 г. указом Президента СССР Александров был награжден орденом Ленина за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции.

После ухода Владимира Яковлевича из жизни в 1995 г. у меня возникла потребность перечитать сохранившиеся у меня — к сожалению, не все — его письма. Их оказалось 409. И я решила написать о нем очерк, в котором позволю себе привести и отрывки из его писем, и написать об эпизодах, казалось бы, очень личного характера, но показывающих В. Я. Александрова как замечательного, разностороннего че-

В. Я. Александров в своем кабинете.
Ленинград, 1981 г.

ловека. О нем как об ученом, о его работах лучше меня напишут его сотрудники и коллеги.

Сначала — его краткая биография. Научная деятельность В. Я. Александрова, получившая признание не только в нашей стране, но и за ее пределами, длилась полных 70 лет, до самой смерти. Родился он в Черкассах Киевской губернии в 1906 г. в семье провизора и учительницы. Школьные годы пришлось на время гражданской войны. Власть постоянно менялась. Александров сменил нескольких школ. В 1922 г. в Петрограде он получил свидетельство о среднем образовании и поступил в университет на биологическое отделение физико-математического факультета. Студенческую практику проходил в Петергофском естественно-научном институте; здесь царил дух любви к природе, исследовательский энтузиазм. Учителями Владимира Александрова были известные ученые: В. А. Догель, А. А. Заварзин, А. А. Ухтомский, Д. Н. Насонов. Это они передали ему основательное знание живого объекта. Он исследовал как одноклеточные организмы, так и клеточное строение многоклеточных растений и животных.

Самой большой своей удачей в жизни Александров считал встречу с Дмитрием Николаевичем Насоновым. Совместно с ним была разработана теория поврежде-

ния и раздражения клетки, согласно которой первичной мишенью повреждающих агентов являются белки цитоплазмы, претерпевающие при этом структурные изменения денатурационного типа. По существу, это были первые шаги в формировании современного представления о роли конформационных изменений молекул белка при функционировании клетки. Итоги исследований были обобщены в книге «Реакция живого вещества на внешние воздействия» (М.-Л., Изд-во АН СССР, 1940), удостоенной в 1943 г. Государственной премии. Их совместная многолетняя деятельность, начавшаяся в Петергофском институте, продолжалась во Всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ) в Ленинграде до ухода обоих добровольцами на фронт в июле 1941 г. Они служили в составе 13-ой стрелковой дивизии Ленинградского фронта. Насонов был командиром санитарного взвода медсанбата, а Александров — военфельдшером и его заместителем. После ранения Насонова командование взводом принял Александров.

Бывая по делам службы в блокадном Ленинграде, Владимир Яковлевич забегал к родителям, отдавал им часть своего пайка, накопленного в интервалах между посещениями. Отец и мать В. Я. скончались от голода в 1942 г. Бывая в городе, Александров старался заходить в библиотеку Академии наук, чтобы просмотреть новые поступления и поделиться затем новостями с Насоновым.

*В. Я. Александров.
Ленинградский фронт, 1942 г.*

В 1943 г. как доктор наук Владимир Яковлевич был отозван с фронта и оказался в г. Троицке Челябинской области, куда была эвакуирована его семья. Там он преподавал в ветеринарном институте и получил профессорское звание. По возвращении в Ленинград он возглавлял лабораторию в ВИЭМ.

Через два года после триумфальной победы лысенковской лженауки над генетикой на августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. пришла очередь разгрома и цитологии. На совместном совещании Отделения биологических наук АН СССР и Академии медицинских наук СССР с участием Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук безграмотное «учение» Лепешинской о происхождении клеток из неклеточного живого вещества было признано единственно правильным. В ВИЭМ был ликвидирован весь отдел Д. Н. Насонова, куда входила и лаборатория Александрова. Последнему предъявили и политические обвинения. В ЦК КПСС поступил донос, что в Ленинграде еще до войны была создана еврейская масонская ложа, секретарем которой являлся Александров, а после войны он организовал в своем институте «группу сионистского типа».

Оставшись без работы, ученый перевел с немецкого на русский капитальное руководство Б. Ромейса по микроскопической технике (договор был заключен на имя его жены З. И. Крюковой). Об этом времени Александров любил рассказывать, как к нему пришел милиционер составлять акт о тунеядстве. Владимир Яковлевич сказал ему: «Я не тунеядец, а домохозяин. Допустим, я хожу на службу, а жена домохозяйка. Вас бы это удивило?» Подействовало!

Александров не оставлял и научную работу, эксперименты он ставил в своей «кухонной лаборатории», располагая лишь термосом и микроскопом. Результаты именно этих исследований заложены в основу цитозкологии, нового направления в цитологии. Он шутил, что ученые, подобно рефлексам, делятся на условных и безусловных: условные требуют для своей работы определенных условий, а безусловные — остаются учеными и без всяких условий.

Только в 1952 г. Александрову удалось поступить на работу в Ботанический институт АН СССР и вплотную заняться проблемой механизмов сопротивления клетки действию температуры среды. С 1957 г. он заведовал там лабораторией патофизиологии и цитологии. На огромном материале было показано соответствие между теплоустойчивостью белков и теплолюбивостью вида. Используя данные современной физики белка, он модернизировал выдвинутую им и Насоновым денатурационную теорию повреждения и раздражения клетки. За цикл работ в этой области Александров был удостоен высшей награды Академии наук по биологии — Золотой медали имени И. И. Мечникова.

Моя дружба с В. Я. Александровым длилась почти полвека. А началось наше знакомство так.

Весной 1943 г. отозванный с фронта Владимир Яковлевич появился на кафедре гистологии МГУ, которую тогда временно возглавлял профессор Д. Н. Насонов. В военной форме, высоченный, сыпавший анекдотами Александров произвел на всех огромное впечатление. Студентов, точнее студенток-гистологов, было тогда менее десятка. Познакомившись со всеми, он сказал: «Вот кончится война, и мы возьмем в Ленинград этих двух девушек». И он указал на Нину Головину и меня. Нина действительно по окончании университета стала сотрудницей Насонова, а у меня уже была семья, росла дочка, и я, естественно, осталась в Москве.

В 1949 г. во время гистологического съезда в Ленинграде Александров пригласил меня с Леоном Бенциановичем Левинсоном (тогда доцент кафедры гистологии МГУ, потом заведующий этой кафедрой) к себе в гости. Надо сказать, что Левинсон в то время был убежден, что В. Я. Александров отец моей дочки. Дело

в том, что как-то он спросил у нее, как зовут ее папу. И она назвала его имя-отчество. А отец ее был полной тезкой Александрова. Мы с Владимиром Яковлевичем не только не разуверяли Леона Бенциановича, но всячески шутливо поддерживали эту версию, подключив в эту игру и жену Александрова — Зинаиду Ивановну. После нашего визита к Александровым Левинсон уже не сомневался в отцовстве В. Я., тем более что Зинаида Ивановна передала для девочки подарки. С того времени и началась наша многолетняя дружба с Александровым. Будучи в Москве, он всегда останавливался в моей семье. Он любил общаться с моими родителями, которые с удовольствием принимали его и с нетерпением ждали его приезда. Он всегда привозил из Ленинграда замечательные пироги, испеченные Зинаидой Ивановной или их чудесной домашней помощницей Матреной Семеновной, а потом и невесткой Наташей. Здесь не могу не сказать о невероятно ценимой (по достоинству) в их семье Матрене. Она, не имея своих детей, просто обожала сына Владимира Яковлевича, а затем и внуку его, и правнучку. Это была женщина невероятно чуткая, понимающая тончайшие нюансы взаимоотношений. У меня язык не поворачивается назвать ее домработницей. Она была просто членом семьи, обеспечивающим всем возможность минимально заботиться о повседневных вещах. Недаром Александров дарил ей экзemplяры каждой книги, называя ее своим соавтором. «Без ее помощи писать книги было бы почти невозможно», — говорил он.

Несмотря на все жизненные тяготы и неурядицы, наши встречи всегда были веселыми. Разумеется, Владимир Яковлевич постоянно делился своими научными планами, рассказывал о текущей работе своих сотрудников. Я постоянно получала от него на редактирование его статьи и афоризмы. «*Меня очень устроило бы, если бы Вы жили в Ленинграде и редактировали мои статьи*», — писал он. На одной из его работ, преподнесенных мне, посвящение «Софье Андреевне» — намек на участие жены Л. Н. Толстого в его работах; так он часто и в письмах обращался ко мне, прося моего «редакторского критиканства».

В течение 12 лет (с 1949 по 1961 гг.) я была старшим научным редактором в издательстве «Большая Советская Энциклопедия». И все это время Александров был моим автором. Видимо, моя правка нравилась ему. Большинство его писем начинается аббревиатурой: «М. М. П. Р.» — мой милый психованный редакторчик (разумеется, комментировать эти эпитеты, особенно второй, мне сложно). Почти в каждом письме: «*До печати, чтоб Вы посмотрели*», «*Есть о чем поговорить*», «*Хочу поплакаться в жилетку*», «*Соскучился*», «*Хочу видеть*».

М.М.П.Р.*) 20-V-63

Суде по плану, пр. Вар унес 5 дней, как
не могу дождаться до письма и Вам,
<...>

*) Список сокращений:
М — мой.
м — мими.
п — психованный.
Р — редакторчик.

Одна из глав в «Трудных годах...» называется «Борьба с лысенковским засилием во втором издании “Большой Советской Энциклопедии”». И я рада, что наше регулярное общение с Александровым помогло ему в работе над ней. В предисловии он выразил мне благодарность, а на книге написал: “*Миррочке Аспиз с любовью*”.

Когда я из издательства перешла в научно-исследовательский институт, то часто просила Владимира Яковлевича прочитать подготовленные к печати наши статьи. Он быстро пробежал их глазами и делал замечания, после учета которых работы становились весомее и приобретали общебиологическую значимость.

Владимир Яковлевич говорил, что он принципиально не делает мне подарков, чтобы быть уверенным, что наша дружба бескорыстна. Но однажды он привез мне из Венгрии косынку на голову и ажурные чулки. «Теперь Вы всем можете говорить, что я одеваю Вас с головы до ног», — шутил он.

Он любил шутить сам и любил шутки окружающих. Когда в 1969 г. вышла книга Н. И. и В. Н. Арронетов и Л. Н. Жинкина «Основные вопросы цитологии», я написала Александрову рифмованное письмо (этим я частенько грешила, чему он всегда был очень рад), которое начиналось:

*Вы скажите Арронету,
что в продаже книги нету,
Я надеюсь, Арронет
женщине не скажет «нет»...*

По окончании одного заседания Ученого совета в Институте цитологии Владимир Яковлевич попросил остаться любителей шутки и зачитал мое послание, предложив сочинить ответ. Я получила эту книгу от авторов с длинным стихотворным посвящением, которое оканчивалось:

*Аспиз Евсеевна Мирра!
пред Вами по стойке «смирно!»
Честь славной жинке!
Арронет, Арронет, Жинкин.*

Охотно Александров участвовал в различных розыгрышах, с упоением потом рассказывал о них. В одном из них я была соучастницей. Будучи в Ленинграде, я ехала к Владимиру Яковлевичу, у которого постоянно останавливалась, и везла торт. Автобус был переполнен, и стоявший рядом мужчина взял торт и держал его на поднятых руках. Выяснив, что я москвичка и биолог, он представился ленинградцем и инженером, добавив, что теперь занят исключительно составлением картотеки на окружение Пушкина. На этом мы и распрощались. Я сразу же рассказала Александрову об этой встрече. И он тут же позвонил своему приятелю, известному литератору Борису Соломоновичу Мейлаху, и, разумеется, узнал, кто мой случайный попутчик. Им оказался А. А. Черейский — автор вскоре вышедшей книги «Пушкин и его окружение». По инициативе Владимира Яковлевича я позвонила Черейскому. Можно представить себе не только его удивление, но и страх, когда я поблагодарила его за сохранность торта. Продолжение этого розыгрыша было уже без моего участия. Вот цитата из письма Владимира Яковлевича (март 1976 г.): «Вчера был у Мейлахов. Видел книжisku “Окружение Пушкина” Вашего кондитерского ухажера. Решили ему поддать по телефону, выработали текст. Но сообщу Вам после того, как диверсия будет осуществлена».

И это при постоянной занятости! Почти нет письма, где бы отсутствовали фразы: «Дел по горло», «Замордован окончательно и бесповоротно», «Я в диком цейтноте».

те», «Защищаюсь», «Навалился на меня бурный экспериментальный период, т. к. связан с ранними весенними растениями, а они развиваются молниеносно. Это тебе не кролик, который год в качестве такового может сидеть в клетке». Все мы постоянно сетуем на быстротечность времени. Особенно остро переживал это и Владимир Яковлевич. «Время со свистом мчится мимо меня, ничего не успеваю, клетки на каждом шагу расставляют ловушки». Жалобы на «дикий крутеж» и совсем отчаянный вопль: «Кошмар! Беспомощно кувыркаюсь, пытаюсь справиться с уймой дел». Это выдержки из писем разных лет — до самых последних.

В. Я. Александров был одним из организаторов Школы по молекулярной биологии, в течение длительного времени руководил межинститутским семинаром в Ленинграде, на котором обсуждались общебиологические проблемы.

Александров любил шутить часто при самых серьезных, казалось бы, обстоятельствах. Так, он попросил своего сотрудника А. Ломагина написать рифмованный отзыв на автореферат моей докторской диссертации. Содержание отзыва полностью соответствовало «рыбе», составленной Владимиром Яковлевичем «поэту».

*Явление клетки тайное, сложнейший вопрос!
Вы — женщина отчаянная, раз взялись за митоз! ...
Вы телу всю безбрежную продвинули сполна,
рюкою взявшись нежною за нить веревки...*

В. Я. Александров в Ботаническом саду у входа в руководимую им лабораторию цитофизиологии и цитозологии растений. Ленинград, 1970-е гг.

Александров сам носил этот отзыв на подпись директору института А. С. Трошину и заверил его чин-чином. А мой стихотворный ответ потом зачитывался на лабораторном чаепитии, и Владимир Яковлевич был чрезвычайно доволен своей придумкой.

В письмах неизменно следовал перечень разных научных дел и необходимых визитов. При перманентной занятости постоянная тяга за город, «охота пошляться и встряхнуться», «выдраться на рыбалку». Описание рыбалки и ее результатов занимает много места. «Власть нарыбачился и нагрибился. Последний раз мы с Ломагиным наловили 10 щук, общим весом 7 кг 200 г». С большим удовлетворением сообщает, что кормил всю лабораторию своим более чем пятикилограммовым уловом, а «для этого пришлось 7 часов простоять в воде почти по нуп». Интересно изменение с возрастом его отношения к охоте. Он писал мне, что после фронта на

охоте он застрелил двух уток. В то время это было основательной поддержкой к столу. Но оба раза он признавался, что испытывал ужасно неприятное чувство от убийства. И с тех пор никогда не охотился. Постепенно он начал испытывать угрызения совести и на рыбалке. Но с каким восторгом описывал Владимир Яковлевич наблюдаемые на рыбалке восходы и сокрушался, что большинство людей мало наслаждались этим непередаваемым по красоте явлением. Часто он описывал прелести Ботанического сада, его необыкновенную красоту. *«Скоро пойдут гладиолусы. Я их очень люблю. Много всяких и разных у нас их». Или: «Изумительной сирени у нас еще нет, но черемуха роскошная. Вообще наш сад очень улучшает и умиротворяет душу».*

В. Я. Александрову принадлежат сотни афоризмов, частично опубликованных в «Ботаническом журнале» (1966, № 11) и в журнале «Наука и жизнь» (1968, № 7). Приведу некоторые из них, распределив их по тематике.

На тему науки:

Научные идеи не могут не стареть, не стареют лишь лженаучные — они гибнут, минуя стадию старения.

Факты — сырье науки, гипотезы — полуфабрикаты, законы — готовая продукция.

Ничто так не способствует признанию заслуг ученого, как его кончина.

Нередко один ум хорош, а два — хуже.

Он не любил делиться своими мыслями, так как у него их было мало.

Память часто имитирует ум.

Поворачиваясь лицом к практике, не становись задом к теории.

В своих научных публикациях он никогда не разглашал ни государственных тайн, ни тайн приrody.

На житейские темы:

У него было очень развито чувство долга — при встрече с приятелем всегда про-
силу взаимности.

Забравшееся в душу горе по утрам пробуждается первым.

Семи пряжей во лбу.

Живет пропиваючи.

Старость — крупная личная неприятность.

Одни на работе сгорают, другие — загорают.

Душевнoзаболевшего диктатора поместить в психиатрическую больницу трудно, легче превратить в сумасшедший дом всю страну.

Из инструкций рыболову:

Когда рыба клюет, не клюй носом.

Лучше ерш в руке, чем судак в реке.

Умей деликатно закидывать удочку и вовремя сматывать.

Лови рыбу, но не в мутной воде.

Лови, но не попадайся на удочку.

Известна страсть Александрова к путешествиям, конечно, они часто были связаны и с его научными интересами. Из скольких географических точек получала я письма! Из Владивостока и с острова Попова, из Таджикистана и Узбекистана, из Грузии и Прибалтики, с Памира и Алтая, с Камчатки (оттуда *«привет с конца света»*) и Командорских островов, с Таймыра и Байкала (в 1981 г. с болью и тревогой о гибели озера), с Саян и из Улан-Удэ, с Земли Франца-Иосифа... И всегда — по-

дробное описание природы: о «виденной сказке», о «красках неба», об «особенностях растительности», о «совершенном великолепии заснеженных елок», «не могу очухаться от потрясающих картин», «все новое и очень интересное», «щемит от сознания, сколько еще всего другого есть на свете, где никогда не будешь».

После посещения в 1971 г. новосибирского Академгородка вырывается крик: *«Живут же люди! Шик! Храмы науки! А приборы: как подумаешь о подвальном убожестве — страшно становится. Еще не решил, хорошо это или плохо. Ведь если 100 современных приборов, то и думать не обязательно»*. И как обычно: *«Но все же тянет в подвал»*. Ведь его лаборатория помещалась в подвальном помещении.

В письмах частое сетование на отсутствие необходимых для работы вещей. *«Месяцами не могу добиться пинцетов, позисниц, света в оранжевое и т. д. и т. п.»* Он считал, полагаю, совершенно справедливо, что при других обстоятельствах он мог бы сделать значительно больше. В преддверии 70-летнего юбилея он писал: *«Подходя к дате и невольно озираясь назад, с огромным раздражением и возмущением адресуюсь к тому, что изуродовало мою научную биографию: изоляция от тех, кто делает большую науку, держание меня в подвале, пищенское снабжение тем, что нужно для работы, идиотская система подбора и оплаты кадров... А жаль-то мы без черновика, и набело не перепишешь»*. И через год: *«прекрасно сознаю, что на моем текущем счету осталось времени активной деятельности с гулькин нос. В каких условиях меня держат! Ведь при нормальном положении дел, при возможности общаться с зарубежными лабораториями я сделал бы много больше и лучше»*. И уже в 1992 г.: *«На оборудование и реактивы нет ни копейки»*.

Его всегда интересовали взаимоотношения людей в семье (особенно проблема отцов и детей), среди друзей, в служебном коллективе. Он писал, что виделся с писателем Д. Граниным, и тот сказал ему, что ежедневно открывает по одному закону. *«Вчера он открыл закон, по которому можно отличить хороших людей от плохих: "Хорошие люди — это те, которые ко мне хорошо относятся"»*. От формулы *«Хорошие люди — это те, к которым мы хорошо относимся»* он отмежевался. Так вот я интересуюсь, хорошо ли Вы ко мне относитесь, чтобы в свете вновь открытого закона оценить Вас по достоинству».

Александров любил своих сотрудников, принимал близко к сердцу их горести, радовался приятным событиям в их жизни. В связи с какой-то, как он квалифицировал, «размолвкой» в лаборатории он писал, что всегда считает: если человек сделал какую-то пакость, то он не изменит к нему своего отношения, если тот найдет форму исправления своего неблагоприятного поступка. Ведь *«каждый может что-нибудь натворить, каждого может черт попутать, важно, как он выйдет из создавшегося положения»*. Видимо, провинившиеся, по его мнению, нашли удовлетворяющий его выход из возникшей размолвки.

Владимиру Яковлевичу очень нравился ответ моего 90-летнего отца на вопрос, чем он занят: *«Повышаю среднюю продолжительность жизни советского человека»*. Пришло время, когда стали уходить из жизни его сверстники. Но и об этом он писал с долей юмора: *«Начали умирать люди, которые раньше никогда не умирали»*. Но все чаще стали звучать грустные ноты: *«Кругом падают снаряды: у близких инфаркты, опухоли. Сам под лозунгом "Лишь бы дожить книгу"»*. Не стало друга молодости — гистолога А. А. Брауна, Шурика, как называли его близкие, к которому он тепло и нежно относился. Браун платил взаимностью Вильке (домашнее имя Владимира Яковлевича).

Даже находясь в больнице, страдая от сильных болей в ноге, В. Я. продолжал шутить. В это время в институте работала какая-то проверочная комиссия, и он просил у врача пропуск для посещения его сотрудниками, чтобы быть в курсе дел.

Врач сказал, что выдают пропуска только к тяжело больным. На это Владимир Яковлевич ответил в своем духе: *«Я сегодня взвешивался, у меня 84 кг веса, и я несомненно тяжёлый больной»*. Сработало! Больничное пребывание, естественно, тяготило: *«Надоело делать то, что хочет моя левая нога»*.

За 11 лет до своей кончины он обращается ко мне: *«...к Вам просьба: если у меня начнутся существенные отклонения в работе интеллекта, которые я не распознаю, сообщите мне о них, пожалуйста, честное слово — я не обижусь. Договорились?»* А при встрече и повторении просьбы — анекдот: обращается академик с аналогичной просьбой к своему сотруднику. Через какой-то срок тот честно выполняет свое обещание, на что академик говорит: *«Что Вы! Я только сейчас вошел в наилучшую творческую пору»*.

Когда у Владимира Яковлевича начал падать слух, все близкие уговаривали его приобрести слуховой аппарат. Он сопротивлялся. В Москве я, гуляя с ним, просто затащила его в соответствующий магазин, где, наконец, аппарат был приобретен. *«Слуховой аппарат отличный, — писал он. — А главное — его можно отключить, когда говорят что-либо противное... Приборчик, который мы с Вами купили, очень меня выручает. Если совсем не оглохну, то жить можно»*.

Тема смерти стала постоянной. *«Мы с Полянским на переднем плане... К перспективе отношусь совершенно спокойно»* (это в 80 лет). Приводит шуточный перевод Арк. Аверченко известного латинского выражения *«Memento mori»* как *«Не забудь умереть»*. Лейтмотив: *«Боюсь лишь, что не уложусь в отведенное мне судьбой время»*. И в том же ключе: *«А вообще получается чепуха: с годами дело пухнет и прибавляется, аппетит под занавес разгорается, а силы помаленьку убывают... Люблю все времена года, но с неприятным отношусь к их сменам, подчеркивающим неизбежный бег времени»*. Он сокрушается, что *«не все в человеке стареет синхронно, от этого рождается дисгармония, дискомфорт... Трудно справиться с многоголовой гидрой литературы научной: прочтешь одну статью, а она велит еще 5–10 других, а на пятки наступают годы»*. Годы неумолимо шли. Владимир Яковлевич довольно объективно оценивал свое состояние: *«Мне 88, пора закругляться... Убежден на практике, что несмотря на мои потуги в борьбе с нею (старостью), стратегическая победа будет за ней. Вот некоторые ее трофеи: тремор (несмотря на таблетки), сдала память, могу с интересом прочитать страницу и сразу забыть, что в ней было... Я не верю ни в ад, ни в рай, а прочно уверен в загробном небытии... Что же касается бытия на этом свете, то я уже им сыт и переход к небытию меня не страшит. Заботит лишь мысль о том, как будут сводить концы с концами мои близкие без моей пенсии и моей зарплаты»*.

Александрову особенно запомнился некролог об известном эмбриологе В. А. Дорфмане, соавтором которого была и я. По прочтении его Владимир Яковлевич писал: *«Теперь и умереть не страшно, хороший некролог мне, надеюсь, обеспечен»*. К этой теме он неоднократно возвращался: *«В завещании своем попрошу поручить писание некролога Вам, поскольку Вы тренировались в этом деле еще при моей жизни»*. Упомянув Дорфмана, я не могу не сказать об одном давнем (конец 20-х или начало 30-х гг.) инциденте. После какого-то выступления Александрова председателем Александров Дорфман подал реплику: *«Владимир Яковлевич, как эквилибрист под куполом цирка, витает где-то высоко»*. На это в ответном слове Александров сказал, что это лучше, чем быть рыжим у ковра (Дорфман был рыжеватым). Об этом одинаково со смехом вспоминали через несколько десятилетий оба участника, с глубокой симпатией и уважением относящиеся друг к другу.

Меня всегда поражала разносторонность интересов Владимира Яковлевича. Пока позволяло зрение, он старался не пропускать выходящие на экран фильмы.

Если он отдыхал в Доме творчества киноработников, где фильмы шли пять раз в неделю, он не пропускал ни одного. И я имела о них представление из его писем. Огромное впечатление произвело на него «Покаяние» — «...обалдел, фильм гениальный». Он часто посещал «четверги» в Доме писателей, которые вел И. М. Меттер. Особенно подробно Александров описал выступление там Д. Данина на тему «Мир ученого глазами писателя», потрясшее его и содержанием, и свободной, богатой русской речью. Он старался не пропускать и художественные выставки, делился впечатлениями от работ Петрова-Водкина, от прекрасной экспозиции художественного музея в Казани. Не раз он был моим гидом по Русскому музею и Эрмитажу. Во многих письмах — о концертах в филармонии. Свой приезд в Москву он часто предвещал телефонным звонком с просьбой достать билеты, большей частью в театр на Таганке. Он просил мою дочку освободить для него вечера, чтобы «ублажать» его французскими песнями, русскими и цыганскими романсами под гитару.

Мы постоянно сообщали друг другу, что сейчас читаем. Была такая взаимная информация-рекомендация. В последние годы он перечитывал Пушкина и Тургенева, привлекала его мемуарная литература (воспоминания К. Коровина, С. Волконского). Перечитывая «Ярмарку тщеславия», охарактеризовал эту книгу как великую эпопею и пришел к выводу, что человеческие характеры не меняются. Он следил за газетными и журнальными публикациями. Глубокое впечатление произвела на него статья Л. Разгона о состоянии наших тюрем — «*Страшная, но, как всегда у Разгона, написана отлично*». И, конечно, не проходили мимо его внимания научные новинки (например, книга Р. Хесина). Хочу привести выдержку из письма 1975 г.: «*Последнее время душа моя была погружена в письма Чехова. Это мир необычайного человеческого обаяния и чистоты. Не дочитав их, получил две большие кучи писем эмбриолога П. Г. Светлова А. А. Любичеву и Любичева Светлову. Это другая совсем плоскость, но они чрезвычайно интересны и глубоки. Эта разновидность Homo sapiens вымерла. Раньше я имел счастье лично общаться с ее представителями. Мы очень дружили со Светловым. Теперь остается наследие и воспоминание. Грустно от безлюдия. Мой милый, психованный редакторчик, молодой спутник моей старости, пишите!*»

И я писала. Занятно, что часто мы писали друг другу в один и тот же день, считая это телепатией. «*Телепатия продолжает работать, вынул из почтового ящика письмишко*», — пишет он, отправив в этот день мне письмо. Иногда телепатия не срабатывала. По этому поводу на листке обычного формата письмо из одной фразы: «*Ни тебе телепатии, ни тебе симпатии, одна апатия*».

Внучка Анечка, или, как называл ее дед, Анка, полностью завладела его душой. «*Я за девок на всех возрастных стадиях... Наша Анка шикарная бабенка... Очень подружился с внучкой... Анка чудненькая и смешная*». Трепетно-восторженное отношение не только не менялось, но и крепло. Сначала он восторгался ее высказываниями («я не претензию на твой диван»), а потом успехами в учебе — и в школе, и в университете. Был очень доволен ее мужем, который в последние годы, месяцы и дни жизни Александрова самоотверженно ухаживал за ним. Таким же нежным было его отношение к правнучке, названной в память о прабабушке Зинаидой.

Владимир Яковлевич отрицательно относился к официальному празднованию своих юбилеев. «*Вообще я заметил, что атмосфера на торжествах по поводу 60-ти, а еще лучше 70- и 80- и 90-летия значительно здоровее, чем на торжествах по поводу каких-либо награждений или избраний. Допустим, празднуют какого-нибудь избранного академика. Сколько из присутствующих про себя думают, что, конечно, справедливее было бы выбрать меня, а не виновника торжества... Я же, будучи*

в центре торжества, твердо знал, что, кроме старого хрыча Яши Шика, который до сих пор не решил, брать ли Вас на содержание или нет, никто мне не завидует. Разве немножко Ганька Стрелин, который на полтора года старше меня. Это создавало атмосферу чистосердечия и ненаигранной веселости (а мне еще только 55, 40 или 39!!)». Когда все же юбилей отмечали, он явно был доволен: «Все свечи были натканы в торт и горели при выключенном электричестве. Эффектно!!»

Мне следует прокомментировать столь странное упоминание Шика. Когда я была одна в александровской квартире, должны были зайти за какой-то статьей, но я не знала, кто именно придет. Появился пожилой мужчина. Мы разговорились, не представившись друг другу. Он спросил, как бы мне хотелось жить. И я не задумываясь ответила: «С шиком». Пришедший сразу сник и поспешно попрощался. В тот же вечер мы отправились с В. Я. с визитом к Я. Шiku (приходил, конечно, именно он) и, разумеется, очень веселились по поводу моего невольного каламбура.

Все чаще болели и уходили из жизни близкие друзья. Стал болеть Борис Львович Астауров, дружбу с которым В. Я. очень ценил и гордился ею. Десятки писем с вопросами о здоровье Бориса Львовича. Смерть его Александров очень тяжело переживал. Журнал «Цитология» поручил ему статью об Астаурове. «Мне это очень трудно сделать». «Прикасаясь к этому делу, испытываю не творческое вдохновение, а тянущую боль», — писал он в сентябре 1974 г. А через два месяца: «Я написал статью об Астаурове, хочу послать ее для верности публикации Беляеву, Струнникову и, может быть, Рокитскому. Очень хочу, чтобы до печати и Вы прочли». И 5 ноября: «Вчера меня взбесило новое дело. Из редакции "Цитологии" сообщили, что Главлит требует изъятия из моей статьи об Астаурове следующего абзаца, подрывающего устои: "В тяжёлые для нашей биологии периоды, к счастью, всегда находились люди, которые своим огромным научным и нравственным авторитетом, своим мужественным, патриотическим поведением вселяли надежду на то, что Правда победит, что все лживое, невежественное, корыстное будет отринуто, что есть здоровые корни, дающие новый рост. Такими людьми были Л. А. Орбели, И. И. Шмальгаузен, В. Н. Сукачев. Таким человеком был Борис Львович Астауров. В 1867 г. тов. Некрасов (Николай Алексеевич) печатал следующее:

*Да! были личности!.. Не пропадет народ,
Обретший их во времена крутые!
Мудреными путями Бог ведет
Тебя, многострадальная Россия!
Попробуй, усомнись в твоих богатырях
Доисторического века,
Когда и в наши дни выносят на плечах
Все поколение два-три человека!"*

Безусловно, и сам Александров был таким человеком. Он выполнил свой долг перед подлинной наукой, перед пострадавшими в период лысенковщины учеными, написав «Трудные годы советской биологии».

С 1992 г. мы стали значительно реже писать друг другу и говорить по телефону. Обязательными остались письма и звонки к определенным датам. В день именин покойной Зинаиды Ивановны в 1993 г. после моего телефонного звонка Александровым он пишет: «Очередной раз мы были душевно тронуты памятью и вниманием к датам нашего дома. Но в общем это не очень удивительно, если учесть нашу древнюю, ничем не омраченную дружбу и взаимную любовь, которые окрашивают жизнь в этом мрачном, неудобном мире. А наш мир пока что со временем делается все хуже, жизнь становится все трудней, а будущее все страшней».

Последнее посещение В. Я. Александровым Москвы весной 1994 г. было связано с присвоением ему звания Соросовского профессора. Он уже не мог приехать один, и его сопровождал Коля — муж внучки. Владимир Яковлевич был совсем не таким, каким я видела его за год до этого: резко похудевший, казавшийся низкорослым, с сильно измененной походкой. Я понимала, что вижу его в последний раз. Понимал это и Владимир Яковлевич. *«Уже две недели, как покинули с Колей Ваш дом. Нет уверенности, что удастся увидеться в будущем».* Но все еще делится своими творческими планами: *«Кончив обзор по денатурационной теории повреждения клетки, не решил, за что взяться. Хочется о школе по молекулярной биологии, которая имела большое значение для регенерации биологии после лысенковского разгрома. Обдумываю экспериментальные работы».*

Последнее письмо от В. Я. Александрова датировано 18 декабря 1994 г.

5 октября 1995 г. он скончался.

Мы заканчивали свои письма вычерчиванием такого клубочка, символизирующего узелок на память. Он продолжает выполнять свою функцию, и я никогда не забуду своего замечательного друга, дорогого Владимира Яковлевича.

Здравствуй, мамочка! Трудной день. Вера и Игорь были выходные и я их вынуждена была поехать знакомиться с городом и кончилось в море. Динире!!

